

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ПЕРЕХОДНОСТИ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ. СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ВОПРОСА

Статья отражает аспекты изучения проблематики категории переходности, функционирующей в диалектной речи. Актуализируется ряд теоретических и научно-практических вопросов: специфика статуса явления переходности, проблема функционирования транзитивности в диалектном дискурсе, лексикографическая разработка семантики и грамматики переходных глаголов.

Ключевые слова: переходность, транзитивность, псковские говоры.

Z. V. Mitchenko

THE FUNCTIONING OF THE CATEGORY OF TRANSITIVITY IN DIALECTAL SPEECH. THE DEGREE OF KNOWLEDGE OF THE ISSUE

The article reflects upon the aspects of the study concerning the category of transition operating in dialectal speech. A number of theoretical, scientific and practical issues are highlighted: the status of the specifics of transition phenomena, the problem of the functioning of transitivity in dialect discourse, lexicographic development of semantics and grammar of transitive verbs.

Key words: transitivity, transitive verbs, Pskov dialects.

Изучение категории переходности в диалектной речи позволяет говорить об этой лексико-синтаксической категории как о сложном комплексе взаимосвязанных признаков, взаимодействующих в межуровневом пространстве языковой системы — от морфологии и синтаксиса до коммуникативно-прагматических структур.

Рассмотрение переходности в аспекте теории грамматических категорий не является единственным подходом к определению статуса переходности. Так, В. В. Виноградов указывал на «переходные или непереходные значения глагола» [6, с. 641–646], в Русской грамматике выделяют «разряды переходных и непереходных глаголов» в пределах категории залога [18, с. 613–615]. Есть опыт рассмотрения переходных и непереходных глаголов как лексико-грамматических разрядов, обусловливающих возможность или невозможность образования форм страдательного залога, в связи с тем, что «лексико-грамматические разряды отличаются от грамматических категорий отсутствием общего категориального значения, имеющего конкретные реализации в отдельных разрядах, и отсутствием системы морфологических форм выражения этих реализаций» [11, с. 27].

Действительно, оценивая переходность как грамматическую категорию, необходимо установить соотношение содержательных и формальных характеристик категории. Содержание категории переходности составляет передача такого типа отношений, как субъектно-предикатно-объектные связи. При широком подходе к этой категории учитывается характер синтаксических свойств глагола в предложении, то есть выявляется наличие направленности действия субъекта на объект. В узком

понимании категория переходности отражает характер имманентного значения глагольной семы, требующей или не требующей прямого дополнения. Итак, функциональная составляющая переходности глагола связана с выражением семантики активного действия, преобразующего свой предмет.

План выражения переходности выходит за рамки словоформы, поскольку ее признаком является наличие управляемого существительного. Эта категория регулярно проявляется в синтаксисе словосочетания, в связи с чем имеет лексико-грамматический, а точнее — лексико-синтаксический характер. Такой способ выражения грамматического значения переходности в некоторой степени сближается с анализом выражения грамматических значений в языке. Как отмечает К. Я. Сигал, «морфология лишь допускает системную возможность аналитического выражения тех или иных грамматических значений, тогда как синтаксис эту возможность реализует» [19, с. 30]. Применительно к синтаксису простого предложения планом содержания предложений с переходным глаголом являются пропозиции, а планом выражения — соответствующие структурные схемы.

Таким образом, переходность — это языковая категория, тесно связанная с реализацией лексического значения глагола, проявляющейся в его синтаксической сочетаемости. Характеризуя весь класс переходных глаголов, эти признаки приобретают статус категориальных. В пределах этой категории переходные глаголы (*verbum transitivum*) противопоставлены непереходным (*verbum intransitivum*). Категория переходности является частной по отношению к общей категории глаголу как части речи; классифицирующей, так как представлена не системой словоформ, а группами, классами слов (переходные и непереходные глаголы); лексико-грамматической (лексико-синтаксической), поскольку выявляется синтагматически, то есть проявляется в типичной синтаксической конструкции.

Специфика категории переходности определяет и пути изучения ее функционирования. Прежде всего категория переходности должна быть раскрыта лексически, что предполагает не только исследование индивидуальной семантики глагола, но и изучение состава и семантических свойств имени — субъекта и объекта действия при переходном глаголе. Глагол «интерпретирует любое действие как процесс, имеющий отношение к субъекту и объекту, а также эксплицитно или имплицитно дает пространственно-временную характеристику ситуации» [5, с. 7]. А. М. Плотникова считает, что «денотатом глагола является <...> “свернутая” ситуация, поэтому взаимодействие глагольных и именных компонентов происходит не только в синтагматическом ряду, но и в структуре глагольного значения» [12, с. 118]. О «денотативном пространстве» глагола пишет Л. Г. Бабенко, понимая под этим процессуально-событийный мир, закодированный в глагольной лексике как набор типовых ситуаций, знания о которых могут быть получены в результате процедуры семантического вывода из лексической семантики глагола [3, с. 10].

Функциональный подход представляется перспективным особенно для исследования диалектных особенностей категории переходности. Источником в настоящей работе служит речевой материал псковских говоров, отраженный в «Псковском областном словаре с историческими данными» (далее ПОС) [17], а также картотека этого словаря. Словарь, являясь по своему типу полным, включает в свой состав по возможности весь активный словарный запас псковских говоров, что является большим преимуществом перед всеми имеющимися областными словарями русского языка, т.к. позволяет проследить специфику явления в его системных связях.

При изучении переходных глаголов в псковских говорах мы придерживались классификации, предложенной в «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко [4]. В основу иерархической структуры этого словаря положены три лексико-семантических поля: «Действие и деятельность», «Бытие, состояние, качество» и поле «Отношение». Внутри этих семантических полей выделяются более дробные классификационные признаки.

В псковских говорах выявлено немногим более 20 семантических групп глаголов, которые распределяются по лексико-семантическим полям. Самым многочисленным является поле «Действие и деятельность». Его составляют 12 подполей, которые, в свою очередь, могут быть представлены несколькими лексико-семантическими группами: глаголы физического воздействия на объект (15 групп); глаголы созидательной деятельности (6 групп); глаголы помещения (6 групп); глаголы речевой деятельности (5 групп), глаголы интеллектуальной деятельности (4 группы); глаголы перемещения объекта (4 группы), глаголы социальной деятельности (2 группы); глаголы приготовления чего-л. (1); глаголы покрытия объекта (1); глаголы повреждения объекта (1); глаголы звучания (1); глаголы движения (1).

Поле «Отношение» составляют 7 подполей: глаголы социальных отношений (4 группы); глаголы межличностных отношений (3 группы); глаголы владения (2 группы); глаголы социальной деятельности (1); глаголы владения (1); глаголы передачи объекта (1); глаголы влияния (1).

Поле «Бытие, состояние, качество» является самым немногочисленным и представлено всего двумя подполями: глаголы качественного состояния (7 групп), глаголы бытия (1). Эти аспекты темы представлены в ряде наших публикаций [10, 14, 15].

Таким образом, в псковских говорах круг переходных глаголов преимущественно составляют глаголы физического воздействия. Эти данные не противоречат функционированию переходных глаголов и в литературном языке. Как отмечает Т. А. Кильдибекова, «ядро категории переходности составляют глаголы физического действия, в сочетании с которыми винительный падеж имеет номинативное значение, обозначая объект воздействия. Функциональная значимость переходности снижается в глаголах речи, мысли, эмоционального отношения, так как винительный падеж при этих глаголах уже не обозначает объект непосредственного воздействия глагольного денотата. Глаголы, которые выражают отношение между предметами <...>, имеют лишь чисто синтаксическое значение переходности» [8, с. 27].

Лексическая семантика глагола обуславливает и свойства объекта, на который направлено действие. Изученный материал уже на данном этапе позволяет представить тематические группы лексики, выступающей в функции прямого объекта при переходных глаголах. Выделяются такие группы, как «Наименования объектов природы», «Наименования человека», «Наименования артефактов». Каждая группа может быть дифференцирована на подгруппы.

Так, тематическую группу «Наименования объектов природы» составляют имена таких объектов, как: земля (*впрусжинить землю, ввозёмить землю*), вода (*асверять воду*), растения (с видовыми наименованиями: деревья, травянистые растения) (*впекать сена, не врезать травнице*), животные (в том числе насекомые) (*бабить телёночка, впоймать зайца, впоймать быбочку, лечить насекомых*).

Тематическую группу «Наименования человека» составляет подгруппа наименований лиц по различным основаниям, которая является наиболее представленной

в количественном отношении. Ее составляют общие наименования лиц (*абалырить чилавека, лечить людей*) и личные имена (*блюсти Дуньку*); а также наименование лиц по различным дифференциальным признакам: по возрастному признаку (*впускать детей, азлунить девацку*), по половой принадлежности (*бабить баб*), по семейному положению (*риставать 'арестовать' мужа*), по родственным связям (*ахнуть деда, вписать две дачки*), по признаку общественных связей (*не безобразить суседа, лечить суседку*), по социальному статусу, положению (*аннулировать помещиков, впоймать вора*).

Группа «Наименования артефактов» дифференцируется на наименования продуктов питания и напитков, одежды, строительных материалов (*впускать концы досак*), построек и их частей (*лизать хату, распахнуть двери*), сельскохозяйственных орудий (*впекнуть касу*), предметов быта (*впихнуть лошку*), медикаментов (*впустить лякарства*).

Следует обратить внимание и на способ выражения объекта действия при переходном глаголе. Это преимущественно собственно субстантивная лексика, нередко ее составляют субстантивированные прилагательные (*впихать партийных, лечить раненых, лечить старых*), субстантивированные местоимения (*не фспомнить своих*), а также встречаются количественно-именные сочетания (*впекать три пуда сена; асагнавать дьве тышишы*) и устойчивые выражения (*барабанить што папала*).

Отдельную группу составляют объекты, которые выражены морфологически (местоимениями, как правило, личными), но семантическое наполнение восстанавливается из контекста. В этой особенности проявляется диалогичность диалектного текста. В таких случаях для прояснения семантики объекта действия требуется более развернутый контекст (в некоторых случаях, к сожалению, он так и остается непроясненным). Например, *бабить ево* (теленка), *не вправить яво* (коня), *впряжать яво* (жеребенка), *баламутить яво* (в цитате объект не проясняется семантически, но, скорее всего, речь идет о человеке).

Таким образом, раскрытие лексической семантики глагола и свойств объекта, на который направлено действие, при контекстном анализе позволяет описать один из фрагментов языковой картины мира, прояснить вопрос воздействия человека на предметы вещного и не-вещного мира, позволяет определить степень и характер (созидательный или разрушительный) преобразования человеком мира.

Тесная связь лексического значения переходного глагола с его синтаксической сочетаемостью реализуется в речевом высказывании. В теории функциональной грамматики для установления взаимосвязей между всеми компонентами субъектно-предикатно-объектной ситуации используется прототипическая теория о транзитивном и интранзитивном глаголе [7, с. 82].

Применение этой теории к данным диалектной речи показало, что для реализации категории переходности важна структура высказывания. Следует отметить, что цитата, извлеченная из ПОС, является тем минимальным отрезком речевого диалектного высказывания, в котором реализуется категория переходности. Такое речевое высказывание (или транзитивное предложение) включает агенса, действующего по своей воле и инициирующего ситуацию, пациенса, претерпевающего эффекты действий агенса, и предиката (переходного глагола). Например, *Цыгани* (агенса) *начинают гадать, абалырят* (транзитив V_{tranz}) *чилавека* (пациенс), *тот* (агенса) *яму фсе* (пациенс) *аццаёт* (транзитив V_{tranz}). Остр.; *А я* (агенса) *взяла и азлунила* (транзитив V_{tranz})

пятауна-та (пациенс), *затих, ня клюёцца*. *А азлунила* — *ударила на башке значыт*. Аш.; [Она] (агенс) *флятила* (транзитив V_{tranz}) *лошть* (пациенс) и *привязала* (транзитив V_{tranz}) *гужы* (пациенс) *к хьмуту*, и *паехьла бьраздины* (пациенс) *пръежжать* (транзитив V_{tranz}). Гд.

Таким образом, переходность глагола реализуется в речи как проявление деятельности человека, направленной и воздействующей на субъектно-объектный мир. В данных транзитивных предложениях момент перехода осуществляется в триединстве: агенс — предикат — пациенс, поскольку переход всегда наблюдается не только по отношению к чему-то (кому-то), но и от чего-то (кого-то) [16].

Согласно теории семантических актантов, цитаты подобного типа демонстрируют прямое соответствие актантов, то есть семантические и синтаксические актанты глагольных лексем находятся в отношении взаимнооднозначного соответствия: каждому семантическому актанту данной лексемы соответствует один синтаксический актант, а каждому синтаксическому актанту — один семантический. Как известно, актант — это обусловленный глаголом член предложения или, с точки зрения порождения высказывания, — это речевая конструкция, заполняющая семантическую или синтаксическую валентность предиката. Ю. Д. Апресян в работе «Типы соответствия семантических и синтаксических актантов» использует этот термин применительно и к агенсу, и к пациенсу, выделяя семантический и синтаксический актанты для агенса и пациенса. Автор подчеркивает, что пациенс не сводим только к прямому дополнению. Например, для таких глаголов, как *прибивать, привинчивать, пришивать* и др. наряду с прямым дополнением, отвечающим на вопрос *что?*, под пациенсом понимаются и место (*к чему?*), инструмент (*чем?*), что синтаксически будет реализовано за счет косвенного дополнения [1, с. 15].

Другой тип транзитивных предложений демонстрирует случаи, когда агенс в высказывании отсутствует в силу специфики конструкции. Например: *Асагнавали* (ассигновать — ‘выделить определенные денежные средства’) (переходный глагол) *дъве тышишы* (пациенс). Слан.; *Грузила, камни спецыальные, ф кольца флятают* (переходный глагол) *камни* (пациенс) и *аплятают* (переходный глагол) *их* (пациенс) *лыкам*. Вл.; *Рамка есь, нада пьпрасить стёклы* (пациенс) *врезьтъ* (переходный глагол). Гд. Следует отметить, что такие транзитивные предложения, по данным псковских говоров, преобладают, что может служить основанием для характеристики диалектного дискурса.

В ситуации спонтанной разговорной речи семантическая и синтаксическая реализация агенса утрачивает свою необходимость. Так проявляется закон экономии языковых средств, и агенс при переходных глаголах в диалектной речи получает другие возможности выражения. Во-первых, агенс может быть семантически восполнен за счет предыдущего (или последующего) контекста: *Миня* (пациенс) *рана фтихнули* (транзитив V_{tranz}) *работать, нас многа ртоф была*. Порх. Агенс в данном односоставном неопределенно-личном предложении не выражен, но подразумевается (это, очевидно, родители). Во-вторых, агенс проявляется за счет синтаксической конструкции: *Късавишчи* (пациенс) *ваткни* (транзитив V_{tranz}) *в землю*. Остр. (односоставное определенно-личное предложение); *В мою-та избушку никаво* (пациенс) *не фтихнёш* (транзитив V_{tranz}) *ешиё*. Дн. (односоставное определенно-личное предложение с обобщенным значением субъекта); *Кольцо* (пациенс) *вобьют* (односоставное неопределенно-личное предложение с обобщенным значением субъекта), и *жэрдн*

(пациенс) *фпёхнут* (транзитив V_{tranz}) *туда* (односоставное неопределенно-личное предложение с обобщенным значением субъекта), *оцып, и на жэрдн качаюцца люльки*. Гд. Как известно, подразумеваемым субъектом действия в неопределенно-личных предложениях может быть только лицо, но не предмет. Неопределенно-личное предложение дает говорящему возможность не упоминать субъект действия, при этом субъект действия может быть как известен говорящему, но сознательно устранен, так и неизвестен ему. Односоставные предложения с обобщенным значением субъекта помогают передать типичное протекание действия или проявление состояния. Именно эта типичность и становится ситуативной основой значения обобщенности.

Единичны транзитивные предложения с отсутствующим пациенсом. Например, *Я* (агенс) *адресую* (транзитив V_{tranz}), *он печатает* (транзитив V_{tranz}). Вл. По данным псковских говоров, глагол *адресовать* обозначает ‘сообщать свой адрес, фамилию’, то есть потенциал переходности в данном случае не реализуется синтаксически, то есть пациенс не занимает соответствующую синтаксическую позицию, вместе с тем переходность этого глагола осуществлена за счет семантики глагола и может быть рассмотрена как потенциальная возможность.

Отдельную группу примеров составляют случаи транзитивных предложений, в которых семантически агенс равен пациенсу: *Анна* (агенс) *личила* (транзитив V_{tranz}) *сябя* (пациенс), *фсякие травы пила* — *фсё равно памёрла*. Пушкин.; *Сабака* (агенс) *лижът* (транзитив V_{tranz}) *саму сябя* (пациенс). Стр. Наблюдается противоречие между синтаксической реализацией категории переходности глагола и семантическим наполнением так называемого объекта действия. Эти примеры сближаются со случаями «мены диатезы», в терминологии Ю. Д. Апресяна, или «диатетического сдвига», в терминологии Е. В. Падучевой, при котором агенс становится косвенным дополнением, а пациенс — подлежащим [1, с. 15–16]. Так наблюдается нарушение соответствия между семантическим и синтаксическим актантами.

Таким образом, функциональная значимость переходности проявляется в речевом высказывании так, что предикат (транзитив V_{tranz}) описывает ситуацию, имеющую некоторый набор участников. Для реализации категории переходности необходимыми участниками ситуации, как правило, оказываются сам переходный глагол и пациенс, на который направлен момент перехода. В системе переходности глагола понятие пациенса в синтаксическом плане преимущественно совпадает с прямым дополнением. Вместе с тем, понятие пациенса семантически не всегда равно понятию объекта действия, поскольку субъект-объектные отношения в структуре высказывания могут быть перераспределены.

Подчеркнем, что семантическая недостаточность переходного глагола рассматривается как потенциальная возможность глагола реализовывать свои транзитивные свойства. «Глагол можно представить в виде своеобразного атома с крючками, который может притягивать к себе большее или меньшее количество актантов в зависимости от количества крючков, которыми он обладает, чтобы удерживать эти актанты при себе» [9, с. 18]. Приведенное образное высказывание применительно к исследуемому нами материалу может быть трансформировано в вопрос о степени транзитивности глагола в диалектной речи, исследование которого считаем перспективным.

Аспект соотношения глагольной лексемы и ее пропозиционной структуры проявил особенности глагольной деривации. Глагол в результате компрессионного сло-

вообразования вбирает в себя целую синтаксическую конструкцию, является как бы свернутым предложением. Как отмечают исследователи, «предикативный центр предложения может в свернутом виде отображать и включать элементы, представляемые ситуацией <...>. Предикат содержит указание на ближайших субъектных и объектных партнеров в лексическом значении глагола, что и позволяет называть глагол свернутым предложением, макетом будущего предложения» [2, с. 6]. «Центром предложения является глагольный узел, который выражает «маленькую драму», а потому в нем обязательно представлено действие, а также действующие лица и обстоятельства» [9, с. 5]. В псковских говорах наряду с транзитивными глаголами, как правило, отражающими реализацию трехчленной пропозиционной структуры: *субъект действия — предикат (глагол) — объект действия*, выявлены нетипичные случаи проявления транзитивных свойств глагола. Материал показывает, что в диалектной речи существуют разнонаправленные тенденции: как свертывание отдельных пропозиций до пределов слова, так и обратное явление — стремление прояснить объект действия или намеренно его подчеркнуть. Как представляется, проявление этих тенденций обусловлено характером диалектной разговорно-речевой стихии [13].

Таким образом, работа с лексикографическим источником велась по нескольким направлениям и включала в себя не только сосредоточенность на переходных глаголах, зафиксированных в ПОС и сопровождающихся соответствующими пометами, но учитывались и отдельные значения многозначных глаголов, в которых глагол выступал как переходный. В ПОС выявлена группа непереходных глаголов, которые в диалектной речи функционируют как переходные. Рассмотрению подлежал и цитатный материал, который не только позволил изучить семантику переходных глаголов, определить их состав, но и очертить круг лексем, представляющих позиции агенса (субъекта действия) и пациенса (объекта действия) при транзитивном глаголе.

Речевой материал, необходимый для прояснения вопроса функционирования категории переходности в диалектной речи, является многочисленным и крайне неоднородным. В связи с чем возникает необходимость такой его организации, которая обеспечила бы наиболее эффективную работу с речевым материалом, который предполагается расширить за счет аудиозаписей псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива. Одним из путей такой регистрации и обработки может быть введение методов информатизации, в частности — создание базы данных, позволяющей эффективно структурировать и систематизировать большие объемы материала. База данных обладает еще и тем преимуществом, что позволяет пользователю формировать запрос, а разработчику — модифицировать хранимые данные, добавляя новые материалы и поля. В условиях продолжающейся работы над составлением ПОС и пополнения его картотеки создание базы данных представляется актуальным, что согласуется с подходами и других исследователей: «Для современного языкознания характерна тенденция к широкому, многоаспектному подходу и применению различных методов при описании объекта» [9, с. 5].

Таким образом, специфический характер категории переходности проявляется, помимо морфологии и синтаксиса, во взаимодействии лексической семантики и областей номинации, лексической синтагматики, что находит отражение в коммуникативно-прагматической сфере. Очевидно, что особенности диалектной речи, специфика самой категории переходности и подходы, принятые в работе для ее описания, дают гораздо больше возможностей для отражения функционирования явления переход-

ности. Функционирование категории переходности в диалектной речи требует изучения не только с точки зрения раскрытия семантики переходного глагола, определения круга его сочетаемости, но и в аспекте ее проявления в речевом высказывании. Создание базы данных с регистрацией всех зафиксированных диалектологами речевых фактов могло бы стать способом обобщенного лингвистического описания отдельного фрагмента диалектного дискурса.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. С. 15–27.
2. Артемова Н. В. Особенности полевой структуры лексики современного русского языка (на примере глаголов лишения). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
3. Бабенко Л. Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений. 5–7 февраля 1998 г., Екатеринбург: Тез. докл. / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 1998. С. 3–11.
4. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
5. Богданова М. В. Взаимодействие грамматической семантики глагола с синтаксической структурой разговорных конструкций // Взаимодействие грамматических категорий в языке и речи. Тез. докл. конференции. Вологда, 27–29 сентября. Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 1996. С. 7–9.
6. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
7. Галямина Ю. Е. Транзитивность, залог и лексическая семантика глагола. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
8. Кильдибекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке. Саратов, 1985.
9. Кулятина Т. С. Одноактантные модели элементарных простых предложений с непереходными глаголами. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
10. Митченко З. В. Семантические группы переходных глаголов в псковских говорах (к вопросу о проявлении транзитивных свойств глагола) // Русистика в начале третьего тысячелетия: проблемы, итоги, перспективы: материалы I Междунар. науч. конф. Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. С. 104–107.
11. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2009.
12. Плотникова А. М. Глаголы с включенной актантной рамкой: ономазиологический и когнитивный аспекты // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений. 5–7 февраля 1998 г., Екатеринбург: Тез. докл. / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С. 117–120.
13. Побидько (Митченко) З. В. К деривации транзитивных глаголов (на материале псковских говоров) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. Вып. № 15. Псков: ПсковГУ, 2011. С. 84–86.
14. Побидько (Митченко) З. В. Категория переходности глагола в диалектной речи // Живое слово: фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 2 / Под ред. Е. В. Брысиной. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009. С. 37–39.
15. Побидько (Митченко) З. В. Наименование пациенса в системе переходности глагола // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл) / Отв. ред. Т. С. Садова; Русская диалектология / Отв. ред. В. И. Трубинский: Материалы секций XXXIX Международной филологической конференции, 15–20 марта 2010, Санкт-Петербург. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 119–122.

16. Побидько (Митченко) З. В. Реализация категории переходности в речевом высказывании (на материале псковских говоров) // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Международной научной конференции (Псков, 22–24 апреля 2010 года). Т. I / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук, Т. Г. Никитиной, Л. М. Попковой. Псков: ПГПУ, 2010. С. 144–149.
17. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л. (СПб.): Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–2013.
18. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др.; под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2005.
19. Сигал К. Я. Аналитизм в синтаксисе и его эмпирические критерии. Цит. по: Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2009.